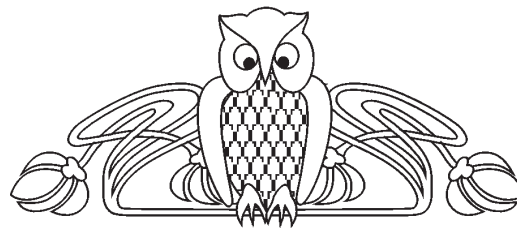

УДК 316.277.5

«СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» М. ФУКО, ИЛИ ПРАКТИКА «ЭФФЕКТИВНОГО ТЕЛА»

Панкова Екатерина Сергеевна –
аспирант кафедры социальной философии,
Казанский федеральный университет
E-mail: katerin.pankova@gmail.com

Статья посвящена анализу проблемы сексуальности и телесности в философии М. Фуко. Подчеркивается, что артикуляция сексуальности связана с артикуляцией субъектности, а воздействие на субъект осуществляется репрессивными телесными практиками, такими как семья, школа, церковь. Сексуальность как социальный феномен оказывается такой внутренней силой субъекта, которая конструируется извне и связана с необходимостью следить за жизнью человека: предотвратить детскую смертность, продлить жизнь индивида, контролировать его здоровье, чтобы максимально завладеть его эффективным телом. Этот процесс может быть представлен в качестве своеобразного капиталистического бума и назван «сексуальной революцией».

Ключевые слова: диспозитив, субъектность, сексуальность, эффективное тело.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-43-46

Интерес М. Фуко к проблеме сексуальности и телесности лежит в плоскости изучения им проблемы субъекта. И хотя автор был далеко не новатором в изучении столь провокационных, на первый взгляд, вопросов, результаты его изысканий представляются уникальными как с точки зрения методологии структурализма, так и с точки зрения социальной теории в целом. Пытаясь уйти от категориальных пар сознание–непрерывность, свобода–причинность, знак–структура, Фуко выдвигает понятия «событие» и «серия», на которых строит свой специфический метод «внешнего» исследования. Его не интересует внутреннее скрытое ядро дискурса, якобы проявляющегося в мысли, или значения, его интересует сам дискурс и условия его внешнего проявления, его регулярность, т.е. серия событий, которая эксплицирует то или иное общественное явление/процесс. Таким образом, субъект предстает перед Фуко как явление, вызванное определенными историческими событиями. М. Фуко не анализирует историческую природу субъекта, он не ищет его истоки и генезис. Опираясь на субъект как на факт эпохи модерна (XVI–XIX вв.), он выстраивает определенную матрицу событий, которая повлияла на его становление [1, с. 57].

Одним из главных таких событий была экспликация тела и сексуальности как атрибута этого тела. Сексуальность как факт сознания по-

явилась только в конце XVII в., а само понятие возникло лишь в XIX в. Ранними эквивалентами этого феномена являются древнегреческий концепт эроса и христианский – плоть. Плоть – то, что противопоставлено духу, земное начало в человеке. Особенностью христианских воззрений является убеждение в наличии у плоти особого хотения (от лат. *voluntas*) сексуального характера, т.е. в ее греховной сущности. В отличие от плоти, эрос не противопоставлен духу, он заключает диалектическое единство и гармонию земного и небесного. Хотя и здесь могут быть вариации: Платон, к примеру, хотя и признавал существование земного эроса, только небесный эрос считал энергетической силой, мудростью, гармонией, истинной любовью и ценностью [2, с. 307]. Все это подчеркивает, что существовала определенная тенденция (традиция) оценивать сексуальность в негативном ключе и связывать ее именно с низменным, телесным в человеке.

Совсем иной взгляд на сексуальность появляется в Новое время, и именно его анализирует М. Фуко. Автор связывает формирование сексуальности с интериоризацией в сознании субъекта комплекса определенных социальных представлений посредством «диспозитива» [3, с. 149]. Диспозитив – это особая гетерогенная совокупность различных политических, общественных, административных, научных, философских и моральных дискурсов, которые регламентируют и поддерживают определенный общественный процесс (в нашем случае – сексуальность). Институализация сексуальности проводилась определенными практиками. Они не требовали для своего воспроизведения особого волевого усилия субъекта, а управлялись теми социальными структурами, в руках которых сосредоточивалась власть. Сами эти структуры в каком-то роде и выступали в роли субъектов.

До конца XVIII в. сексуальными практиками управляли каноническое право, христианство и гражданские законодательства, доминирующие члены которых осуществляли контроль над дискурсом, создавая и устанавливая определенный порядок, структуру пове-

дения, а также границы, нормы. Они задавали рамки поведения и, фактически, подавляли сексуальность человека. Одним из примеров социального подавления сексуальности можно назвать отношение к людям с нетрадиционной ориентацией. Доминирование христианской догматики повлияло на то, что содомизм был объявлен тяжким грехом, а людей с нетрадиционной ориентацией инквизиция подвергала пыткам [4, с. 20].

В условиях установления диспозитива наблюдалось сразу несколько дискурсивных практик, способствующих экспликации сексуальности человека: исповедание, семья, наука, детское образование.

Практика исповедания: в Средние века священники во время исповеди интересовались исключительно сексуальными поступками, а точнее, проступками людей. Это было связано с тем, что в общественном сознании секс связывался исключительно с телом человека – плотью. Начиная с периода Реформации, исповедь приобрела новую форму: священнику скорее нужно было знать мысли и помыслы человека о сексе. Как пишет Фуко, священники буквально метафоризировали эти темы, вуалировали, пытались сгладить. Была даже разработана определенная стилистика сдержанности в исповеди [5, с. 203]. Таким образом, сексуальность стала определяться в терминах не только плоти, но и ума. Человек, находящийся под гнетом моральных, религиозных и правовых норм, осуждающих всякое проявление сексуальности, оказывался в ситуации покаяния перед собой и другими. Он оказывался вынужденным оправдываться в своих желаниях, т.е. как пишет М. Фуко: «говорить – говорить себе самому и говорить другому и столь часто, насколько возможно, – все, что может касаться игры неисчислимых удовольствий, ощущений и мыслей, которые через душу и тело имеют некоторое сродство с сексом» [3, с.115]. Это говорение и есть проявление индивидуального «дискурса сексуальности», который, в конечном итоге, привел к возникновению истерии и неврозов и, как следствие, способствовал возникновению психоанализа.

Таким образом, возникший дискурс о «греховных помыслах» не только помог сформировать само представление о сексуальности, но и способствовал развитию интроспекции – способности субъекта к наблюдению за содержанием и актами собственного сознания. Формирование аппарата самосознания и самоконтроля личности способствовало повышению уровня его субъектности и самоактуализации.

Семейная практика: узловой точкой роста сексуальности являлась семья. Собственно, именно с этим периодом М. Фуко связывает зарождение субстанциональной семьи как ячейки общества, которая стала общественным надзором над человеком [6, с. 267]. Фуко разделяет два вида семьи и два механизма контроля: буржуазную и народную. Обе эти семьи стояли на страже ребенка в связи с возросшей политической и экономической потребностью в его выживании и вместе с тем с его подготовкой к самостоятельной жизни. Буржуазная семья «выросла» из постели ребенка: все ее силы были направлены на защиту детской сексуальности, детского тела. Угроза в этой форме семьи как будто бы исходила от ребенка, от его желаний быть похожим на взрослого. Главная угроза – мастурбация, борьба с ней приняла форму идеологической кампании. Причем угрозу видели не столько в духовном и этическом растлении малолетних (доля морализаторства в этой кампании была крайне низкая), сколько в медицинском отклонении: «когда детям запрещают мастурбировать, им грозят не растраченной в грехах и разврате, но загубленной болезнями взрослой жизнью» [5, с. 211].

Народная семья была также озабочена проблемой защиты ребенка, однако угроза в ней исходила не от детской сексуальности, а от сексуальности взрослого, от незнания, от неумения сдерживать свои желания. С помощью таких механизмов, как «сберегательные кассы», жилищной политики и т.д. [5, с. 249] продуцировалась семья, направленная против свободного сожителства, т.е. такая, где были бы четко зафиксированы родственные связи и не возникло бы угрозы инцеста.

Таким образом, подчеркивает Фуко, сформировалось «две формы сексуализации семьи, или две формы “фамилизации” сексуальности, два семейных пространства сексуальности и сексуального запрета» [5, с. 254].

Научная практика: к XVIII в. рождается медицинское, политическое, экономическое, техническое побуждение говорить о сексе. И не столько в форме общей теории сексуальности, сколько в качестве анализа, учета, классификации и спецификации, в форме количественных и причинных исследований. С историческим подъемом буржуазии связан не отказ от тела и аскетизм, а наоборот, экспликация тела, стремление к увеличению продолжительности жизни, культ здоровья. Точкой роста этой экспликации Фуко видит появление новой научной дисциплины – демографии, предметом которой стало «население». Появилась необходимость «анализировать процент рождаемости, возраст вступления в

брак, законные и незаконные рождения, преждевременность и частоту половых контактов, способ сделать их продуктивными или стерильными, последствия безбрачия или запретов, последствия применения противозачаточных средств» [3, с. 122]. Таким образом, вокруг тела человека возникает комплекс гуманитарных наук – социология, демография, экономика, призванных изучать это тело для того, чтобы за ним можно было законно политически следовать.

Практика образования детей и подростков: в колледжах, семинариях, школах практически перестают говорить о теле и удовольствии, однако отображают его опасности: «о нем почти не говорят, но все о нем свидетельствует» [5, с. 204]. Политика государства, направленная на просветительское образование детей в области секса, привела к тому, что о нем не говорили прямо, но всегда имели в виду, т.е. «говорили по-другому, говорили другие люди, исходя из других точек зрения и для достижения других результатов» [3, с. 123].

Интенсивный путь развития сексуальности приводит к возникновению сексуальной разнородности и неоднородности, происходит выделение в поле сексуальности особого измерения – «противоестественного». Теперь супружеская измена и содомия, соблазнение монахини и практика садизма, обман жены и насилие становятся существенно разными «типами» поведения, прежде всего, разными в процедурном плане. Одни сексуальные явления рассматриваются как нарушения законодательства (насилие), другие – как нарушение морали (измена), третьи как патология и медицинское отклонение (содомия). Появляются новые социальные типологии – сексуальный маньяк, лесбиянка, ханжа и т.д. Возникает необходимость на всем ставить метки, отпечатки. Эпоха складывается как текст. Так появляется гомосексуалист, о котором пишет М. Фуко: «особый персонаж: с соответствующими прошлым, историей и детством, характером, формой жизни, равно как и морфологией, включая нескромную анатомию, а также, быть может, с загадочной физиологией» [3, с. 142].

М. Фуко рассматривает сексуальный дискурс как определенный буржуазный бунт, особую «сексуальную революцию» XII–XIX вв., хотя этот дискурс возникает постепенно и эволюционно на всем протяжении эпохи Модерна. Как следствие, сексуальность имеет свое логическое завершение. Освобождая сексуальность, общество XX в. (то, что может быть названо эпохой Постмодерна) заменяет её запретом на смерть и начинает подавлять

смерть, т.е. культивировать смерть и вызывать дискурсивный взрыв вокруг неё. М. Фуко считает, что это страшнее, нежели подавление сексуальности, поскольку подавление смерти ведет к уничтожению сексуальности, которая по своей сущности проистекает из желания жизни, а точнее, из желания выжить. Человечеству необходима сила, которая противостояла бы смерти не только в материальном плане, как воспроизводство рода, но и в духовном – как средство общения, разрядки, коммуникации, проявления любви, душевной привязанности. Смерть, проникая во все области жизни, управляя обществом, вытесняет сексуальность, делает её незаметной и ненужной. Именно поэтому в современном обществе так остро встает проблема гендерной идентичности и гендерных различий. Теряя сексуальность, человек теряет многие метафизические смыслы: семейные ценности, потребность в любви, потребность в самоидентификации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что историзация субъекта, начиная с эпохи Ренессанса, представляет собой латентную экспликацию сексуальности. Сексуальность конструировалась извне потребностями самого капиталистического общества и необходимостью следить за жизнью человека: предотвратить детскую смертность, продлить жизнь индивида, контролировать его здоровье, чтобы максимально завладеть его эффективным телом. Субъектность, таким образом, тоже конструируется извне и выступает определенным механизмом закрепления эффективного тела внутри индивида. Логика дискурса сексуальности такова, что извращенность пуританского общества приводит к полному нивелированию личного, интимного в человеке. А все многообразие сексуальностей оказывается лишь результатом властного механизма (диспозитива), а не осознанным выбором человека.

Список литературы

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. 488 с.
2. Платон. Пир // Диалоги / пер. с древнегреч. М., 2006. С. 272–320.
3. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. М., 1996. 448 с.
4. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. 576 с.
5. Фуко М. Пылающий разум // Юнг К. Г., Фуко М. Матрица безумия (философский поединок). М., 2013. С. 163–302.

6. Фуко М. Надзирать и наказывать : рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М., 1999. 478 с.

«The Sexual Revolution» of M. Foucault and the Practice of «The Effective Body»

E. S. Pankova

Kazan Federal University
35, Kremlevskaya str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: katerin.pankova@gmail.com

This paper is devoted to analysis of problem of sexuality and body in the philosophy of M. Foucault. It is emphasize, that the articulation of sexuality is linked with the articulation of human subjectivity. Influence on the subject is conducted through repressive body practices, such as family, school, Church. Sexuality as a social phenomenon is some internal force of the subject, which is constructed from the outside and is connected with the necessity to monitor the life of a person: to prevent the child mortality, to extend the life of the individual, to control his health in order to get his effective body maximum. This process can be represented as a kind of capitalist boom and can be called «the sexual revolution».

Key words: dispositif, subjectivity, sexuality, the effective body.

УДК: 141.201

МИР-СИСТЕМА В КОНТЕКСТЕ ЛИБЕРАЛИЗМА

Рожков Владимир Петрович –
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой теологии и религиоведения,
Саратовский государственный университет
E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

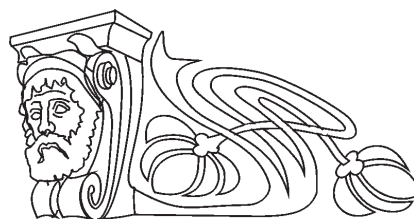
В статье анализируются проблемы теоретического проекта мир-системы, выдвинутого представителями западной социологии в 1970-е гг., и противоречия его реализации в условиях глобализации. Автор доказывает закономерность возникновения этого проекта, апеллируя к «эффекту системности» сознания с рациональной доминантой экстравертивного мышления в парадигме классической философии. В то же время автор обращает внимание на особенности формирования планетарной мир-системы в контексте западного либерализма и неолиберализма. Ключевая из них связана с риском движения к однополярному миру и применения различных вариантов насилия, интенсивность которого явно нарастает в настоящее время. Объясняя причины проявления этого риска, автор анализирует мировоззренческие основания «двух сторон медали» западного либерализма, истоком которого, по его мнению, является возрожденческий «титанизм», выражающий, с одной стороны, стихийный индивидуализм Ренессанса и его самокритику – с другой.

Ключевые слова: мир, система, сознание, экстравертивность, субъект, объект, интровертивность, либерализм, рационализм, антропоцентризм, индивидуализм, радикализм, критицизм.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-46-51

References

1. Foucault M. *Les Mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*. Paris, 1966. 405 p. (Russ. ed.: Фуко М. *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*. Moscow, 1977. 488 p.).
2. Plato. *The Symposium. Greek text*. Comm. by K. Dover. Cambridge, 1980. 185 p. (Russ. ed.: Платон. *Пир. Диалоги*. Moscow, 2006. pp. 272–320).
3. Foucault M. *Histoire de la sexualite: 3 t. Vol. 1: La volonte de savoir*. Paris, Gallimard, 1976. 224 p. (Russ. ed.: Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. Moscow, 1996. 448 p.).
4. Foucault M. *Histoire de la folie a l'âge classique*. Paris, 1972. 583 p. (Russ. ed.: Фуко М. *История безумия в классическую эпоху*. St.-Petersburg, 1997. 576 p.).
5. Фуко М. Пылающий разум (The flaming mind). Yung K.G., Фуко М. *Матрица безумия (философский поединок) (The matrix of insanity {the philosophical duel})*. Moscow, 2013, pp. 163–302).
6. Foucault M. *Surveiller et punir, naissance de la prison*. Paris, 1975. 328 p. (Russ. ed.: Фуко М. *Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы*. Под ред. И. Борисовой. Moscow, 1999. 478 p.).

Сознание человека, живущего в эпоху глобальных перемен, запечатлело крушение мощных социальных систем, локальные войны, всплески терроризма. В нём отразились разочарование в социальных теориях и универсальных либеральных ценностях, переживание религиозного ренессанса и целенаправленного разрушения ресурса социально-гуманитарных наук.

В поисках ответа на эти вызовы исследователи общественных изменений, происходящих на современном этапе истории, естественно обращаются к методологическому потенциалу философского теоретического мировоззрения и рационального познания. Так уже в 1970-е гг. А. Г. Франком, И. М. Валлерстайном, Дж. Арриги и некоторыми другими западными социологами был выдвинут мир-системный подход, расширявший, как они полагали, инструментарий цивилизационного метода. И хотя предшественником этого подхода называется Ф. Бродель, автором